

На правах рукописи

Милоенко Екатерина Олеговна

**СПЕЦИФИКА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ ЭВФЕМИЗМОВ
В ИНДИВИДУАЛЬНОМ ЛЕКСИКОНЕ**

Специальность 10.02.19 – теория языка

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени
кандидата филологических наук

Курск – 2009

Работа выполнена на кафедре иностранных языков

Курский государственный университет

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор
Лебедева Светлана Вениаминовна

Официальные оппоненты: доктор филологических наук, профессор
Токарев Григорий Валериевич

кандидат филологических наук, доцент
Бороздина Ирина Сергеевна

Ведущая организация: Вятский государственный гуманитарный
университет

Защита состоится «25» февраля 2009 года в 14 часов на заседании объединенного диссертационного совета ДМ 212.104.02 при Курском государственном университете по адресу: 305000, г. Курск, ул. Радищева, 33.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке Курского государственного университета.

Автореферат разослан «__» января 2009 г.

Ученый секретарь объединенного
диссертационного совета
доктор филологических наук

И. С. Климас

Реферируемая диссертация посвящена изучению специфики функционирования эвфемизмов в индивидуальном лексиконе.

В настоящее время в лингвистической науке накоплен большой опыт исследования эвфемии и эвфемизмов. Однако несмотря на внушительный массив как зарубежных, так и отечественных работ, в той или иной степени касающихся проблемы осмысления исследуемого феномена, нельзя отметить наличия единства его понимания в рамках языковедческой науки (см. напр.: М.М. Маковский, Е.П. Сеничкина, Р.А. Будагов, Б.А. Ларин, Л.А. Булаховский, А.М. Кацев, Л.П. Крысин, Н. Rawson, R.M. Holder и др.). Все ученые акцентируют внимание на способности эвфемизмов выполнять функцию вуалирования и запрета, однако отмечают, что единой интерпретации эвфемии не существует. Малоизученными или совсем не изученными остаются причины формирования политкорректного и толерантного языка, в котором запрещено использование определенных слов и выражений. Вероятно, возникающие трудности обусловлены самим историческим процессом, переживаемым сегодня социумом, что влечет за собой активизацию целого ряда моделей эвфемистического представления современной действительности, в которых фиксируется подлинная картина национального самосознания, где отражаются как традиционные черты народной ментальности, так и все новое, что привносит создаваемая человеком картина окружающего мира. Поэтому ученые вынуждены «привлекать к анализу не только сами эвфемистические выражения, но и тот социально-культурный и языковой фон, на котором возникает нужда в эвфемизмах» (Л.П. Крысин). Следует отметить, что, несмотря на существующие запреты и этические нормы, на практике все-таки удается передать негативный смысл посредством вербальных средств, которые не являются оскорбительными и/или запретными с точки зрения их значения, зафиксированного в словарях и общелитературном языке.

В рамках психолингвистического подхода к анализу языковых явлений слово рассматривается как достояние человека, функционирующее в индивидуальном лексиконе. Под индивидуальным лексиконом мы, вслед за А.А. Залевской, понимаем «динамическую функциональную систему, самоорганизующуюся вследствие постоянного взаимодействия между процессом переработки и упорядочения речевого опыта и его продуктами» (А.А. Залевская). Значение вербальной структуры (эвфемизма) понимается как весь опыт, увязываемый индивидом с тем или иным знаком, в совокупности социальной и индивидуальной составляющих при обязательном учете перцептивной, когнитивной и аффективной природы приобретаемого человеком опыта (А.А. Залевская). Наблюдения над речевой деятельностью свидетельствуют о том, что возможность выбора между разными лексемами, способными называть один и тот же предмет, определяется

наличием различных характеристик явлений окружающей действительности (см., например, работы Д.Н. Шмелева). По мнению Л.В. Лаенко, слово обозначает лишь часть знаний об объекте, при помещении слова в новую структуру деятельности оно может употребляться в новом значении (Л.В. Лаенко). Теория проксиматики как объяснительный принцип эвфемистического варьирования в индивидуальном лексиконе позволяет рассматривать этот процесс как уточнение значения слова под влиянием социальных, культурных и личностных факторов (С.В. Лебедева). Сказанное выше свидетельствует об **актуальности** темы диссертации, которая определяется необходимостью рассмотрения явления эвфемии с позиций психолингвистической теории слова. На современном этапе развития теории языка первостепенное значение приобретают вопросы о том, *что* лежит в основе использования человеком языковых единиц и структур знаний, увязываемых с ними в его памяти.

Объектом исследования являются эвфемизмы в индивидуальном лексиконе. **Предметом** – специфика и причины эвфемистических замен в ситуации «для меня, здесь и сейчас».

Целью работы является выявление особенностей эвфемистической номинации с позиции носителя языка. Для реализации поставленной цели потребовалось решить следующие **задачи**:

- проанализировать различные исследовательские подходы к понятиям эвфемии и эвфемизм с целью выявления причин изменения их содержания в современном языке и культуре;
- рассмотреть основания для классификации эвфемизмов;
- сопоставить эвфемизмы и сходные лингвистические явления;
- рассмотреть особенности эвфемизмов с позиций социолингвистики и психолингвистики;
- провести экспериментальное исследование, в рамках которого:
 - показать многоплановость функционирования эвфемии в индивидуальном лексиконе;
 - проследить влияние половозрастного и профессионального факторов на особенности эвфемистического варьирования;
 - вывить опоры, влияющие на особенности функционирования эвфемизмов в индивидуальном лексиконе

Цели и задачи исследования определили используемые **методы и методики**: теоретический анализ комплексного типа, обобщение фактов, полученных через наблюдение и эксперимент (свободный ассоциативный,

методику субъективных дефиниций), статистический анализ полученного экспериментального материала с помощью программы Microsoft Excel.

Материалом послужили данные, полученные по результатам двух этапов экспериментального исследования, в котором приняли участие 93 человека – носители языка разного возраста, пола и профессий. Всего проанализировано – 1467 реакций и 3402 субъективные дефиниции.

В результате проведённого исследования сформулированы и **выносятся на защиту следующие теоретические положения.**

1. Принципиально важно разграничивать эвфемизмы с позиций системы языка, речи и речевой организации индивида.
2. Современные эвфемизмы являются особым типом языковых образований, требующих разработки в рамках психолингвистического подхода.
3. Процессы эвфемизации в современном языке способствуют формированию нового типа эвфемистических отношений в рамках «человек-социум-культура», позволяющих анализировать комплекс сложившихся в обществе представлений.
4. В индивидуальном лексиконе на специфику функционирования эвфемизмов влияет конверсия оценки, которая проявляется в ситуации «для меня, здесь и сейчас».
5. Эвфемистические замены в речевой организации индивида происходят в процессе акта проксимации с опорой на знания разных видов, на образ ситуации, ее признаки и признаки признаков.

Научная новизна исследования заключается в реализации психолингвистического подхода к феномену эвфемии. Доказана принципиальная возможность наличия множества оснований для эвфемистических замен в индивидуальном лексиконе.

Теоретическая значимость диссертации определяется вкладом в разработку комплексного подхода к изучению языковых явлений, а также в теорию эвфемии и проксиматики. На основании проведенного анализа научных подходов к проблеме эвфемизмов обоснована необходимость психолингвистического рассмотрения исследуемого феномена. Проанализированы особенности функционирования эвфемизмов в индивидуальном лексиконе с выходом на функциональные опоры.

Практическая значимость работы обусловлена возможностью использования ее результатов в лекционных курсах по теории языка, стилистике, психолингвистике, психологии. Материалы исследования могут также быть использованы в сфере журналистики, политики, культурологии, политологии, социологии.

Апробация работы: результаты исследования обсуждались на межвузовской научно-практической конференции «Вопросы обучения иностранным языкам: методика, лингвистика, психология», посвященной 75-летию УГАТУ (УФА, УГАТУ: 20-22 июня 2007); международной

научной конференции «Лингвистические основы межкультурной коммуникации» (Нижний Новгород, НГЛУ: 20-21 сентября 2007); межрегиональной научно-практической конференции с международным участием «Текст. Дискурс. Жанр.» (Балашов, Балашовский филиал Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского: 20-21 сентября 2007); II научно-практической конференции «Язык для специальных целей: система, функции, среда» (Курск, КГТУ: 15-16 мая 2008). По теме исследования опубликовано 9 работ общим объемом 2,6 п.л.

Структура диссертационного исследования: работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы и приложений.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ РАБОТЫ

Во **Введении** обосновывается актуальность темы исследования, ставятся цели и задачи, определяются предмет, объект, методы исследования, формулируются выносимые на защиту положения.

В **Главе 1 «Теоретические аспекты исследования эвфемизмов»** дается обзор ряда теоретических изысканий в области теории эвфемии, цель которого – показать сложность и многоплановость исследуемого явления. Для настоящего исследования особенно значимыми оказались общелингвистические публикации, в рамках которых предприняты попытки определения и создания классификации эвфемизмов (как правило, в рамках подхода к слову как единице лексико-семантической системы языка) (Б.А. Ларин, А.М. Кацев, А.С. Куркиев), и исследования, выполненные в русле когнитивной лингвистики, (решающие задачу концептуального анализа эвфемистических замен на материале готовых текстов) (Л.П. Крысин, В.И. Заботкина, Н.В. Тишина, В.П. Москвин). Нами осуществлялось также сопоставление эвфемизмов со сходными лингвистическими явлениями. В ходе исследования были выявлены различные основания для классификации исследуемого феномена, обоснована необходимость изучения эвфемистического варьирования в рамках психолингвистического подхода.

Обращение к лингвистическим теориям представляется необходимым по целому ряду причин. В современном социуме и культуре расширяется содержание понятия эвфемизации, так как исследователи определяют феномен эвфемии достаточно широко, пытаясь учесть все возможные его характеристики (Е.П. Сеничкина, М.Н. Потапова). В реферируемой диссертации приводится традиционное понимание эвфемизмов как средства «приукрашивания или запрета в соответствие с этическими нормами» (А.А. Реформатский), которое акцентирует внимание на их функциональном аспекте. Отмечается, что процесс эвфемизации связан с процессом номинации, т.е. выделяется зона табу –

определенные темы и сферы жизни и деятельности людей, подвергающиеся эвфемизации. В качестве социальной стороны исследуемого явления отмечается среда бытования запретов, т.е. социокультурный и индивидуальный фон использования тех или иных вербальных средств.

Сегодня политики и пресса постоянно меняют смысл слов и правила игры в зависимости от конъюнктуры. Публичный политический дискурс характеризуется манипулированием общественным сознанием в угоду политическим интересам главенствующих кланов. Основная задача публичной ритуальной коммуникации - фиксация своей приверженности политическим правилам игры и подтверждение своей социальной роли. Политические эвфемизмы, маскирующие истинный смысл явлений, создаются и с помощью терминов. Это специальные слова, имеющие точный смысл, причем аудитория достаточно четко разделяется на тех, кто знает точное значение термина, и на тех, кто его не знает. Новая мораль находила отражение в языке и культуре. Но главное, что термины обладают магическим воздействием на сознание, имея на себе отпечаток авторитета науки. По мнению С.Г. Кара-Мурза, красивым термином, как кажется людям, нельзя назвать какую-нибудь гадость. К таким терминам относится, например, слово *эмбарго* (С.Г. Кара-Мурза), *креатив*, *гламурный* (М.Н. Эпштейн), *либерализация цен* вместо *повышение цен*, *конфронтация* вместо *противостояние*, *коррекция* вместо *исправление*, *секвестрование* вместо *сокращение*. Исчезли многие «старые» запреты и появились «новые»: сексизм, расизм, эйджизм (ageism), религиозизм и др. Эвфемизмы как языковое отражение феномена табу присутствуют во всех сферах деятельности человека (М.Н. Потапова).

В первой главе отмечается, что «вечной» проблемой также оставался и остается поиск критериев, по которым можно было бы определить, выявить и описать слова со значением вуалирования и запрета. Традиционно понятие эвфемии прежде всего связано с синонимией, которая уже на протяжении многих веков была и остается предметом многочисленных дискуссий. В настоящее время близкие по значению слова обозначаются в лингвистических публикациях выражением «почти синонимы». К ним относят практически все виды связи между лексемами на основании общности значения, например, перефразирование и эвфемизмы. Синонимичность слов, будучи внутриязыковым явлением в том смысле, что она определяется закономерностями, существующими в языке, в то же время совершенно явно зависит от предметной отнесенности данных слов. Всякая знаковая система служит для обозначения как раз того, что находится за пределами данной системы, и значение знака раскрывается только вне данной системы (Д.Н. Шмелев, Ю.Д. Апресян, С.В. Лебедева).

Анализ исследований показывает, что работы, в которых обсуждается исследуемый феномен можно условно разделить на две группы. В одних проблематика описывается в теоретическом аспекте, но теоретические соображения не сопровождаются обширным эмпирическим материалом. В других – это преимущественно словари – дан обширный эмпирический материал, но теоретические положения, в соответствии с которыми этот материал собран и организован, не показаны достаточно убедительно. При обращении к словарю эвфемизмов мы автоматически принимаем трактовку, из которой исходят составители словарей. Однако отсутствие единой точки зрения на явление эвфемии ставит под сомнение то, что в описании слов должны присутствовать именно те эвфемизмы, которые предлагает нам словарь. Поэтому часть словарей сопровождается предисловием, в котором подробно излагается позиция составителя в отношении возможности эвфемистических замен.

Необходимо отметить, что в речевой деятельности индивида эвфемизмы возникают в силу следующих причин: стремление к смягчению более резкого, нетактичного, грубого выражения (*таз, детородные органы, определенная часть туалета*); замена выражения, нарушающего нормы приличия; потребность в непрямом, прикрытом обозначении чего-либо (*близость, специфическая внешность, зрелая кожа, нескромно одеваться, ему незнакома самоотверженность, переоценить свои возможности, интеллектуальный уровень блондинок*); искажения или маскировка подлинной сущности обозначаемого (*экономичный, малоимущие, недочеты, деструктивный, эпизод, сигнализировать*); замена архаичных табуируемых выражений (*Творец, Создатель, летальный исход, в костюме Адама и Евы*). Наряду с эвфемизмами, ставшими частью общелитературного языка выделяются также окказиональные и индивидуально-контекстные эвфемизмы (А.М. Кацев), например, *корыстолюбие, личная нескромность* вместо *коррупция, клептократия; буржулики, нуворишки* вместо *бизнесмены* (примеры В. Долинского). В наивном дискурсе эвфемистическая функция реализуется через «улучшение» денотата для смягчения наименования того, что приукрашивается или скрывается в силу принятых в обществе и/или в ситуации общения норм морали (*синеглазка, трава, информатор, позаимствовать*).

Ряд исследователей полагает, что основное назначение эвфемизмов – манипулирование сознанием человека, что особенно характерно для так называемых политических эвфемистических замен. Ю.С. Баскова предлагает классификацию способов образования манипулятивных эвфемизмов, в основу которой положен принцип учета языкового уровня реализации эвфемистической зашифровки (графический, фонетический, морфологический, лексико-семантический, синтаксический) (Ю.С. Баскова). Е.Н. Торопцева отмечает «буферную» функцию

эвфемистического варьирования, как ««промежуточного звена, своеобразного “буфера” между отрицательно коннотированным словом и сознанием участников коммуникации» (Е.Н. Торопцева).

Нами предлагается классификация эвфемизмов на основании параметра «время», т.е. выделяются традиционные или стертые и нетрадиционные или новые. Первые легко узнаются, так как имеют длительную историю употребления и зафиксированы в лексикографических источниках. У человека не возникает трудностей с их распознаванием, грань эвфемизации стерта настолько, что постепенно слово становится нормой речи и перестает выполнять эвфемистическую функцию. Например, *в положении; уйти из жизни; педикулез, преклонный возраст, онкология, страдать недержанием, душевнобольной, летальный исход, прерывание беременности, возрастные изменения и т.д.* Вторые – это нетрадиционные или новые эвфемизмы, например: *соотношения между различными государствами* вместо *конфронтация, противоборство*; *эпизод* вместо *преступное деяние*; *недочеты* вместо *ошибки, промахи*; *эскалация конфликта* вместо *усугубление конфликта*. Основания для выделения эвфемизмов имеют прямое отношение и к образу мира, и к языковой картине мира (в том числе – ее системности), и к личностному опыту носителя языка. Мы полагаем, что в отличие от обычной лексики, эвфемизмы чрезвычайно чувствительны к общественным оценкам тех или иных явлений. С этим связана историческая изменчивость статуса эвфемизма в языке и речи: то, что представляется удачным эвфемистическим наименованием одному поколению, в следующем поколении может расцениваться как несомненная и недопустимая грубость, требующая эвфемистической замены (Л.П. Крысин). Принятый в диссертации психолингвистический подход к значению дает основание говорить о том, что эвфемизмы в лексиконе человека динамичны, их «поведение» определяется свойствами того фрагмента образа мира индивида, «ключом» к которому она является». Таким образом, с развитием общества расширяется и референтная область эвфемизации. Анализируя «поступательное движение семиозиса», которое постоянно перестраивает знаковые системы, У. Эко считает, что необходимо постоянно следить за изменением форм коммуникации, перестройкой кодов, рождением языковых идеологий (У. Эко).

Интерпретация эвфемизмов в современной лингвистической литературе зависит от понимания того, какие именно сферы жизни человека, по каким мотивам подвергаются вуалированию, какие вербальные средства выполняют необходимую функцию. Например, В.П. Москвин разграничивает эвфемии и дезинформации, считая, что они противопоставлены функционально. Цель эвфемии – смягчение выражения (*полный* вместо *толстый*), цель дезинформации – ложь, обман,

искажение истины (*чернобыльская авария* вместо *чернобыльская катастрофа*) (В.П. Москвин). Природа эвфемизмов до настоящего времени остается невыясненной, что приводит к стиранию границ между эвфемизмами и другими видами перефразирования (М.Н. Потапова). По мнению А.М. Кацева, «эвфемия должна рассматриваться как «сложное многогранное языковое явление, которое имеет три взаимосвязанных аспекта: социальный, психологический и собственно лингвистический» (А.М. Кацев).

Вопрос о границе между эвфемизмом и вульгаризмом, просторечием, языком социальной группы и литературным языком не может быть решен однозначно. Отметим также, что феномен эвфемизации помимо чисто объективных факторов предполагает и значительную долю субъективизма, что требует особых методов исследования своеобразия и особенностей семантической замены в «живом» языке.

Сказанное выше свидетельствует о необходимости выхода за рамки традиционного понимания эвфемизмов, что подтверждается и появлением исследований, которые, оставаясь в рамках системного подхода к языку, пытаются расширить трактовку эвфемистического варьирования. Так, М.М. Маковский считает, что эвфемия дала человеку возможность осознать природу на фоне контраста и указывает на важность эвфемизма, не только как средства языка и речи, но и как особого способа структурирования реальности (М.М. Маковский).

Современные наблюдения над «живым» языком свидетельствуют о том, что любое слово может выполнять эвфемистическую функцию, при этом новые эвфемизмы зачастую неузнаваемы, улавливается лишь общий смысл понятия, но полного декодирования привычного значения не происходит. Это связано со своего рода созданием нового языка с определенной семантикой, политического мифа как целенаправленной технологии изменения смысла слов. Например, Ю.С. Баскова анализирует широко распространенный в языке СМИ эвфемизм *обезвредить* в значении «убить» и отмечает, что для обозначения отрицательного денотата эксплуатируются дополнительные ассоциации с чем-то положительным. Возникновению данных ассоциаций способствует внутренняя форма слова: *обезвредить* → сделать безвредным, т.е. не причиняющим вреда. Используя эвфемизм *обезвредить*, говорящий формально подразумевает такое действие, которое помогло избежать вреда (ущерба, порчи) и, следовательно, должно быть положительно воспринято адресатом. Несмотря на всю очевидность табуируемого денотата (*убить*), эвфемизм *обезвредить* обладает устойчивой положительной коннотацией за счет возникающих ассоциаций с чем-то полезным, остановившим вред (Ю.С. Баскова). Действительно, о многих эвфемизмах в политическом дискурсе следует говорить как о словах с высоким семантическим, оценочным потенциалом, способным манипулировать сознанием человека.

Можно сделать вывод о том, что каждый предмет или явление окружающего мира имеет множество свойств и различных связей, которые образуют в нашем сознании представление о данном предмете или явления и могут проявиться в ситуации «для меня, здесь и сейчас». Известно, что люди успешно оперируют словами, значения которых им известны весьма приблизительно (А.А. Залевская). Можно привести в качестве примера такие случаи использования эвфемистических выражений, как: *«Выборы не принесли обещанного возрождения: агония народного хозяйства области продолжается и а-ля-фуришетная политика процветает. (А. Спицын). С развалом СССР в МИД пришли совершенно новые кадры. Дети советской номенклатуры, выросшие и воспитанные в зарубежных командировках своих папаш, они с молоком матери впитали угодливый восторг перед Западом, преподносящий им свое видение мира а ля фуришет (А. Смоленцев) (А.Н. Баранов, Ю.Н. Караулов).* Встречи с такими фактами в экспериментах и в жизни свидетельствуют о том, что успешное общение в данном случае возможно благодаря такой специфической характеристике индивидуального знания, как переживание в качестве знакомого огромного количества информации, существующей в подсознании и не всегда поддающейся вербальной экспликации (А.А. Залевская). Принцип многоуровневого строения лексикона в концепции А.А. Залевской позволяет говорить о том, что поиск слов в памяти идет по обширному ряду смысловых признаков, отражающих знания человека о мире и служащих средством объединения слов в разного рода группы. Наиболее общими тенденциями при группировке слов явились объединение и противопоставление, взаимодействующие на базе признаков разной степени обобщенности (А.А. Залевская).

Таким образом, психолингвистическая концепция значения слова дает возможность более широкой трактовки основного приема, лежащего в основе эвфемии – сравнения, в основе которого лежит контраст, т.е. сравнение «несравнимого». Употребляя более приемлемое слово, человек снижает остроту конфликта с реальностью, который возникает вследствие запрета на произнесение некоторых слов (М.Н. Потапова). Согласно концепции отражения действительности А.А. Залевской, любое слово представляет собой своеобразный ключ к условно-дискретному фрагменту континуальной и многомерной индивидуальной картины мира, полнота которой обеспечивается выводными знаниями и переживаниями разных видов. В этом смысле единая информационная база индивида представляется тем внутренним контекстом, который позволяет человеку лучше ориентироваться в окружающей его действительности (А.А. Залевская).

В реферируемой диссертации обосновывается положение о том, что специфика функционирования эвфемизмов в индивидуальном лексиконе обусловлена особенностями акта проксимации. Акт проксимации – это

уточнение значения слова в ситуации «для меня, здесь и сейчас». Семантический оператор сходства представлен в поверхностной структуре лексикона выражениями типа «как будто», «как», «подобно», «словно», «будто», «напоминает» и т.д., причем они не всегда вербализируются, они переживаются. Через акт проксимации человек сам для себя разъясняет одно через другое: «то есть то», «это есть то» (С.В. Лебедева). Можно предположить, что сравнение будет идти по принципу «далеко/близко», «свое/чужое», «мое/твое», «новое/старое» и т.п. Особенностью сравнения-переживания в процессе эвфемизации является использование приема конверсии оценки, например, *непопулярные меры* вместо *сокращение расходов*, *веселый* вместо *пьяный*, *приватизировать* вместо *украсть*. Наличие свободы выбора языковых средств и эвристический поиск объясняют, с нашей точки зрения, неожиданную и непредсказуемую эвфемию в живой речи носителя языка. Мы рассматриваем эвфемизмы в индивидуальном лексиконе как проксонимы, качественная характеристика которых определяется параметром «время» и социально-культурной средой жизни человека. При этом обиходно-бытовые эвфемистические замены рассматриваем как симилары, а общественно-политические – оппозицы. Эвфемизм, как и любое другое слово, всегда включен во внутренний контекст, поскольку даже предъявляемый вне внешнего контекста вызывает в сознании человека определенную информацию, т.е. интерпретация «никогда не происходит в «деконтекстуализированном вакууме» (Т.Ю. Сазонова). Необходимо отметить, что эвфемизмы значимы не сами по себе, употребляясь без сопровождения внешнего контекста, а только в силу того, что они возбуждают определенные образы в сознании индивида.

Вторая глава «Экспериментальное исследование функционирования эвфемизмов в индивидуальном лексиконе» посвящена описанию экспериментального исследования, которое включало свободный ассоциативный эксперимент и методику субъективных дефиниций с последующим анализом полученных данных.

Гипотезой исследования явилось предположение о том, что эвфемизм в индивидуальном лексиконе функционирует так же, как и любое другое слово, являющееся лишь *медиатором*, обеспечивающим выход индивида на его образ мира, формирующийся в многомерном и разностороннем личностном опыте, без которого никакой знак не может функционировать как достояние человека (А.А. Залевская). Такая трактовка специфики функционирования эвфемизма позволяет утверждать, что для него будет характерна вариативность смысла в контексте «человек-социум-культура. Участники эксперимента должны через призму личного опыта «пропустить» результаты чужого сравнения и прийти или к тому же заключению относительно вуалирования тех же

явлений, что и создатель эвфемизма, или представить собственное видение ситуации.

Экспериментальное исследование проводилось в два этапа с использованием следующих диагностирующих методик: свободный ассоциативный эксперимент и субъективные дефиниции. Для свободного ассоциативного эксперимента стимулы были выбраны нами из словарей эвфемистической лексики (М.Л. Ковшова; А.Ю. Кудрявцев, Г.Д. Куропаткин), источником также послужили статьи из различных периодических изданий и исследования, посвященные функционированию эвфемизмов в общественно-политической сфере (Л.П. Крысин, Е.В. Кипрская, В.П. Москвин, Л.В. Лаенко, Е.И. Шейгал). Стимулами стали: СЛАБОСЛЫШАЩИЙ, В ПОЛОЖЕНИИ, СОЖИТЕЛЬСТВОВАТЬ, ГОНЕЦ, ТРАВА, СИНЕГЛАЗКА, ПОД МУХОЙ, ВЕСЕЛЫЙ, В ОТКАТЕ, СИНУСОИДА, ДОН ЖУАН, ПОЗАИМСТВОВАТЬ, ГУРМАН, ИНФОРМАТОР, ДОБРОЖЕЛАТЕЛЬ, ЛИЧНАЯ НЕСКРОМНОСТЬ, ОПЕРАТОР ОЧИТСНЫХ СООРУЖЕНИЙ, ИСПОЛНИТЕЛЬ, КОНТРОЛЕР, УБОРЩИК ТЕРРИТОРИЙ. В качестве испытуемых (далее – ии.) привлекались студенты разных факультетов Курского государственного университета, всего проанализировано – 1467 реакций.

Следует отметить, что поскольку идентификация слова рассматривается и как процесс, и как результат, опорными элементами процесса идентификации являются признаки и свойства предметов и явлений окружающей действительности, а сам процесс (или некоторая совокупность процессов) включает распознавание, обобщение, классификацию, анализ (Т.Ю. Сазонова). Результатами этих процессов оказываются распознанные образы, сделанные обобщения и классификации и т.п. (А.А. Залевская). В нашем исследовании опора – это носитель какого либо признака или свойства объекта, от отношения к которым индивида зависит установление фактов сходства или различия. По нашему мнению, задания, входящие в экспериментальные исследования, демонстрируют различные способы переживания сходства и/или различия, неосознаваемые индивидом в процессе речевой деятельности, что дает возможность выявить опорные элементы процесса эвфемизации в индивидуальном лексиконе. Речь идет об ассоциативном поле слова, содержащем разнообразную информацию, которая является источником выбора разных средств выражения одного и того же значения. Ассоциативное поле любого слова дает нам широкую картину различных видов выводных знаний, закономерности функционирования которых проявляются в опорах разного вида и качества (А.А. Леонтьев).

Проявление тех или иных тенденций зависит от специфики исследуемых лексических единиц. В нашем случае такие вариации должны проявляться при анализе реакций на различные группы эвфемистических выражений. Необходимо отметить, что в нашем исследовании единицами

анализа выступают не отдельные лексемы, которые используются как средства вуалирования общепринятого значения с точки зрения системы языка, а все, что с ними связано при доступе к информационному тезаурусу человека. Установление возможности эвфемистической замены протекает с опорой на определенные смысловые признаки, по линии знаний о мире через отнесение к конкретному предмету или явлению, который знаком испытуемым. Анализ экспериментального материала предполагает учет множества оснований для связей слов по близости значения в индивидуальном сознании.

При отсутствии внешнего контекста социокультурный фон и предшествующий опыт индивида определяют необходимый «угол зрения» для установления связи эвфемизмом и хранящейся в памяти информацией. Так, в ассоциативном поле слова-стимула СИНЕГЛАЗКА, присутствует множество схем знаний, что проявляется через такие реакции, как: *пьяный, пьяница, пьющая женщина, фингал, водка, Белоснежка, девочка с голубыми глазами, линзы, сорт картофеля, весна, цветок, наркоша, ребенок*. Причем в общем количестве полученных ассоциаций примерно 50% составили эвфемистические номинации, которые использовались ии. для камуфлирования понятия «пьяный». Большой разброс реакций также проявился и на стимул В ОТКАТЕ. В сознании индивида складывается «картинка», описывающая разные признаки этого явления: *в нетрезвом состоянии, под кайфом, торчат, не в состоянии) нетрезвый, пьяный, в осадке, в улете, в ауте, под кайфом, дятел, тормоз, взятка, бабло, коррупция, ОКАТО, футбольный прием, плохо, позади, лыжи, машинка, каток и т.д.* Стимул ПОЗАИМСТВОВАТЬ был оценен ии. негативно: *позитивно украсть, стырить, Ну нет, это называется украсть!, украсть, взять, долг, занять, одолжить, не вернуть, ненадолго, напрокат, на время, книгу и т.д.* Однако в ассоциативном поле есть реакции, показывающие и положительное отношение: *взять в долг, одолжить, книгу, на время и т.д.* Включенный во внутренний контекст эвфемизм является сигналом для развертывания скрытого суждения, опирающегося на предшествующий опыт человека, на индивидуальное и коллективное знание. Известно, что знания, увязанные языком с отдельными словами, могут переживаться по-разному. Наш экспериментальный материал свидетельствует о том, что каждый стимул вызывает у ии. определенный образ ситуации. Отталкиваясь от некоторого набора социально закрепленных понятий, индивид в процессе своего личностного развития добавляет к ним смысловые элементы, порожденные особенностями восприятия и познания мира, т.е. «индивидуальный опыт мира» (О.С. Зубкова) (например, *прокламировать* вместо *провозглашать нечто ложное, несбыточное; щедрость* вместо *расточительство*). Различия в опыте ведут к различиям в знании, а через них – к разным фрагментам образа мира. В нашем экспериментальном материале «разное» проявляется

через лексемы, которые увязаны с обозначением разных характеристик предметов или явлений, разных участников ситуации. Так, например: ИНФОРМАТОР – *это шпион, стукач, докладчик, новости, сообщение, человек, который сообщает информацию, важный, аниматор, секрет, компьютер, объявление, новости, сексот, доносчик, шестерка* и т.д. Необходимо отметить, что ии. полностью декодировали исходное завуалированное значение, так как реакция *шпион* составила примерно 60%.

Образ эвфемизма – это не просто ситуация «для меня, здесь и сейчас», это сложная подвижная система разномодальных и многоуровневых компонентов, в которой в силу различающегося внутреннего контекста в ситуации «здесь-и-сейчас» превалируют те или иные составляющие образа. Например, со стимулом ЛИЧНАЯ НЕСКРОМНОСТЬ у ии. связана обширная информация, которая проявилась через «качественную» вариативность знаний, эмоций и впечатлений: *наглость, пошлость, излишняя самоуверенность, нетактичность, грубость, напористость, любопытство, нормальное состояние, подлость, фамильярность, без комплексов, эгоист* и т.д. Следует также отметить, что понятие «личная нескромность» было экстраполировано ии. на внешний вид, одежду – *Колготки в сеточку!!!*. Такие стимулы, как В ПОЛОЖЕНИИ и ГУРМАН были успешно опознаны в значении принятом в обществе, при этом отсутствие определяющего контекста не было препятствием. На лексему СОЖИТЕЛЬСТВОВАТЬ – реакция *незарегистрированный брак* оказалась самой частотной. Некоторые ии. приводили реакции на стимул, связанные с проживанием в непосредственной территориальной близости (*соседи, делить определенную жилплощадь на несколько человек: под одной крышей, коммуналка*). Вероятно, носитель языка ориентируется на ситуацию общения, он может получить информацию, не присутствующую в явном виде, она доступна из многослойного контекста момента речи. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что со словами-стимулами связана информация, описывающая фрагмент знания о событии или ситуации. Каждый стимул (знание, которое с ним связано) создает в сознании (подсознании) индивида образ ситуации, который может быть выражен разными словами, например, среди реакций на стимул В ПОЛОЖЕНИИ были зафиксированы *сидя, лежа, стоя, вверх ногами, вниз головой*.

На втором этапе экспериментального исследования использовалась методика субъективных дефиниций. Источниками материала послужили - словари эвфемистической лексики (А.Ю. Кудрявцев, Г.Д. Куропаткин; М.Л. Ковшова и др.), периодические издания и исследования М.Н. Эпштейна, посвященные выявлению слова и антислова года. Стимулами стали: ВИХРИ ВРАЖДЕБНЫЕ, А ЛЯ ФУРШЕТ, ПРЕЗЕНТ,

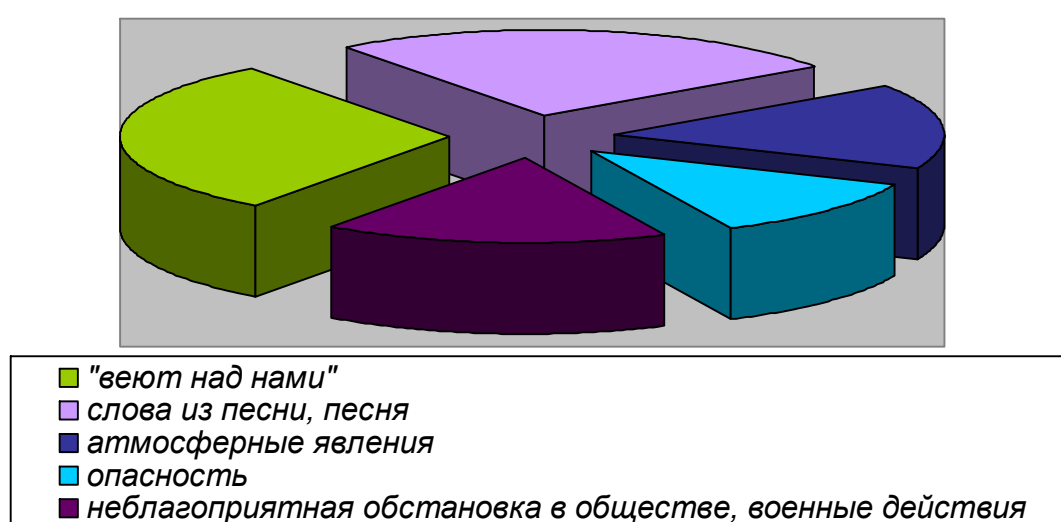
ГЛАМУРНЫЙ, КРЕАТИВ, ПРИАР, СОЗДАТЕЛЬ, ПОКОИТЬСЯ, СЛАБОСЛЫШАЩИЙ, БЕЗ КОМПЛЕКСОВ, НОВООБРАЗОВАНИЕ, ПЕДИКУЛЕЗ, НЕСПОКОЙНЫЙ, ДЖЕНТЛЬМЕНЫ УДАЧИ, ЗАЧИСТКА, СПЕЦКОНТИНГЕНТ, ГУМАНИТАРНАЯ КАТАСТРОФА, ЭТНИЧЕСКИЙ ГЕНОЦИД, ДАТЬ АДЕКВАТНЫЙ ОТВЕТ, ЛИБЕРАЛИЗАЦИЯ ЦЕН. Участниками эксперимента были работники телерадиокомпаний в возрасте от 19 до 50 лет и военнослужащие от 35 до 45 лет. Именно эти сферы деятельности особенно чувствительны к явлению эвфемии по причине достаточно частого обращения к вуалированию, сокрытию информации, а также введению в заблуждение относительно причин, хода, последствий военных действий, различных общественных процессов, политических явлений. Мы также ставили задачу расширить возрастной и профессиональный диапазон ии. Было получено 1260 бланков, среди которых испорченных не было. Субъективные дефиниции для каждого эвфемизма были сведены в общую таблицу и расположены по степени частоты использования их ии. с указанием количества ии., давших определенную дефиницию. Общее количество полученных субъективных дефиниций составило 3402.

Экспериментальный материал показывает, что прослеживается зависимость изучаемого феномена от влияния разных факторов на переживание чужого сравнения, что приводит к построению в сознании (подсознании) человека разнообразных сценариев смыслового поля – специфически окрашенных субъективных определений. Собранный корпус субъективных дефиниций был распределен в зависимости от факторов, определяемых спецификой функционирования эвфемизмов как достояния человека. Как полагает С.В. Лебедева, причиной сходств и различий в индивидуальном сознании может стать взаимодействие некоторых мысленных образов и предметных действий и их признаков, эмоциональных впечатлений и оценок с последующей их фиксацией в некотором субъективном коде (С.В. Лебедева).

К первой группе были отнесены дефиниции, позволяющие выявить опорные элементы в рамках фактора «человек-социум-культура». В нашем экспериментальном материале это проявилось через вариативность интерпретации ии. исходных единиц – эвфемизмов. Так, выражение ВИХРИ ВРАЖДЕБНЫЕ интерпретируется ии. следующим образом: «веют над нами» - 28%; источник происхождения, т.е. песня («начало революционной песни, если не ошибаюсь, Интернационал, ой, ошибаюсь!») – 24%; атмосферные явления: заполонившие небо свинцовые тучи (в движении), начало шторма, сильный, порывистый ветер, шторм, метель, вихрь, наполненный крысами и лягушками, смерчи – 15%; дефиниции, связанные с ощущением опасности – 11%; например, сгущающаяся над человеком опасность, которую можно заметить; определения, показывающие неблагоприятную обстановку в обществе и военные

действия: *временное окружение, контрреволюция, враги народа, провокации, силы оппозиции, атака, вражеские силы, неприятности, злобная сила, неприятель, козни недругов, военные действия* – 16%. Учитывая почти ставшее хрестоматийным употребление стимула в многочисленных текстах исторического и художественного характера, можно предположить, что мы наблюдаем систему оценок и ассоциативного поведения, сложившихся в русском лингвокультурном сообществе, т.е. автоматически всплывает наиболее типичный в данном социуме контекст. Приводимые ии. дефиниции можно представить в виде рисунка (Рис. 1):

Рис.1

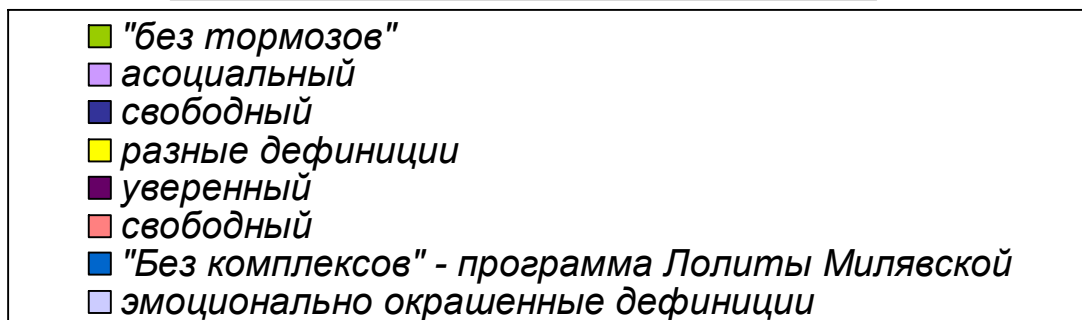
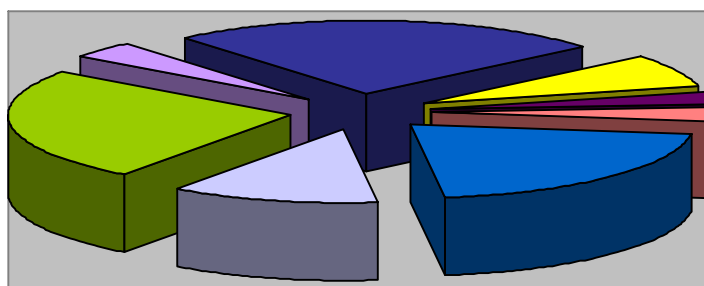
Создаваемая человеком картина политического мира изначально антропоцентрична: этот мир строится разумом человека, который концептуализирует политические реалии, опираясь на свои представления о соотношении индивида и мира. Эвфемизм реализует представления о человеке как о центре мира. Например: ГУМАНИТАРНАЯ КАТАСТРОФА – *последствия военных действий, людское горе, беда, нет помощи, руины, инфекции, хаос, без еды, воды, лекарств, слезы, голодные дети, отсутствие гигиены, разруха, нищета, бедствие для огромного количества народа одновременно, война, глобальное бедствие в масштабах страны, страдания людей после стихийного бедствия, кто-то где-то голодает и не может без лекарств прожить и дня и т.д*

Опыт, значимый для индивида, определяет выбор той или иной лексемы, что проявляется через подсознательное откровенно негативное отношение к разного рода явлениям и событиям. Например, БЕЗ КОМПЛЕКСОВ: *беспринципный, без тормозов, «без тормозов» - 25%; асоциальный, простой, ничто не смущает, наглый, без стеснений по поведению и поступкам – 4%; отсутствует такт и умение вести себя в обществе, не испытывающий чувства неловкости и стыда в любой*

ситуации, спокойно выражает свое мнение в любой ситуации, наглый, несдержанность, наглость, раскованность, все по барабану, беспредел. свободный от всего, не стесняющийся своих недостатков или достоинств – 3%; не боящийся, смелый, свободный человек – 25%; бесстрашный, идеальный человек в психологическом плане, открытый – 3%; уверенный в себе человек – 3%; свободный от внутренних психологических проблем, свободное поведение, нравы, раскрепощенный, правдивый, уверенно делающий то, что ему хочется – 3%. без стыда, развязный, развратный, без каких-либо ограничений, своё «я», готовый на все, обычно про нравственность, «безбашенный», «без тормозов», оторва, оторви и вырви Очень! Очень! Очень! Сексуальная (в поведение, прежде всего) девушка, WOW! , мачо или дама легкого поведения девица, проститутка, алчная женщина, декольте, утопия

Вероятно, здесь вступают в действие система ассоциативных привычек и оценок, сложившаяся в социуме и непосредственно воздействующая на актуализацию ассоциативной связи в рамках поверхностного яруса лексикона, т.е. включение доминирующего элемента в наиболее привычный в данном социуме контекст (см. рис. 2).

Рис. 2

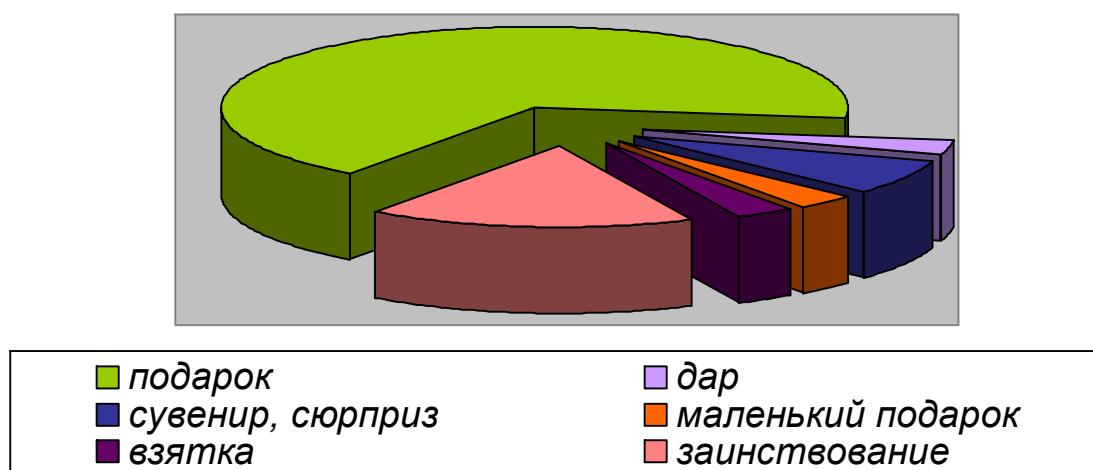

На стимул ПРЕЗЕНТ двумя группами ии. были приведены следующие дефиниции: подарок – 67%; дар – 3%; сувенир, маленький сюрприз – 7%; маленький подарок – 3%; льстящий подарок, подарочек, коробка с бантиком, подарок, сделанный своими руками, неожиданный, симпатичная подарочная упаковка, пафосный подарок, преподносимый на высшем уровне, благодарность. Ии. также приводили дефиниции, указывающие на происхождение слова: от англ. слова подарок, дословно с англ. дар, подарок, названный умным иностранным словом – 17%. Лишь

немногие ии. опознали заменяемое понятие и привели соответствующую дефиницию *взятка* – 3%; *магарыч, пакет, шоколадка, шампанское, духи, конфеты, деньги* – определения, показывающие, что ии. «пережили» конкретную ситуацию. Заметим, кстати, что почти любое сообщение вообще редко бывает однозначно интерпретируемым, использование же для сообщения несвойственного порождающей его системе кода (в нашем случае эвфемизма) делает неожиданные для автора интерпретации ещё более возможными (О.С. Зубкова).

Слово как достояние человека вызывает в сознании или подсознании образ того, о чем идет речь, т.е. выводит на определенную ситуацию, в которой что-то наиболее важно для индивида, а что-то – нет. Иногда, в «окно сознания» попадают смутные представления, которые могут иметь и отрицательные оттенки, т.е. признание «неправильности» поведения человека, которая может не пониматься окружающими. В качестве «близких» выступают и эмоционально-оценочные компоненты (*взятка, магарыч*) (см. рис.3).

Рис. 3

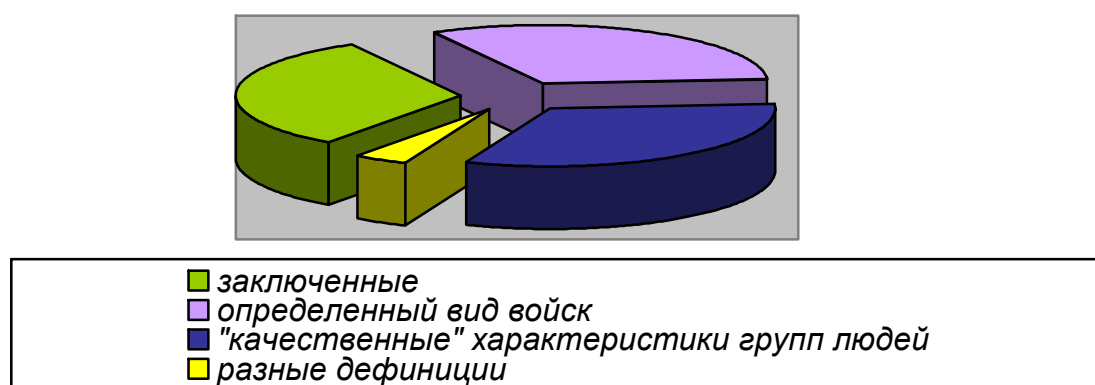

Следующий фактор – **профессиональная принадлежность**, т.е. расшифровывая предложенные стимулы, ии. опираются на свои профессиональные знания, на свой инвариантный профессиональный образ мира. Поскольку инвариантный образ мира представляет собой абстрактные модели, описывающие общие черты в видении мира различными людьми, то можно утверждать, что он непосредственно соотнесен со значениями и другими социально выработанными опорами, а не с личностно-смысловыми образованиями как таковыми (О.С. Зубкова). Установленные опоры базируются на представлениях о том, что каждому слову в системе памяти (сознании и подсознании) соответствует некоторая общая информация (общее содержание), которая затем уточняется путем сравнения отдельных характеристик (признаков признака) объекта внешнего мира. Возможность замены лексем переживается на основании

сходства и/или различия признаков, которые увязываются с качественными характеристиками объекта.

Рассмотрим полученные дефиниции, раскрывающие понятие СПЕЦКОНТИНГЕНТ: *заключенные, лица, состоящие на учете в МВД, ранее судимые, зек, ранее судимые*, подобные определения приводили и работники телерадиокомпаний: *уголовники, заключенные, категория людей, находящихся в натянутых отношениях с законом, алкаши, зеки, урки* – 32%. В отличие от мужчин, женщины-военнослужащие давали дефиниции, характеризующие подразделения определенного назначения: *ОМОН, военное подразделение в зоне конфликта*, подобная группа была выделена и среди определений, полученных от журналистов, как женщин, так и мужчин: *миротворческие силы, группа людей, обычно войск, используется с НАТО, отряд особого назначения, отряд, ОМОН, военный, КГБ* – итого 32%. Работники телерадиокомпаний также давали дефиниции, описывающие группы людей, которые можно объединить по виду деятельности, внешнему виду или другим признакам: *занятые деятельностью определенной направленности, особые, избранные люди, группа людей, ведущая определенный образ жизни, бомонд, узконаправленные спецы, штат, определенный круг людей, VIP, особая группа людей, выполняющая определенную цель на службе, одноликая толпа, отдельная толпа избранных людей, все похожи друг на друга* – 32%. Интересны также единичные дефиниции, полученные от представителей СМИ – мужчин: *что-то из ментовского жаргона, смерть*; женщин: *слой общества антиобщественной окраски, Атлантида, на Волокно, пустыня, вертолет, джунгли, нас так иногда один из преподавателей называет (студентка журналистского факультета), неоткрытый континент* – 4%. Приводимые дефиниции представлены в виде диаграммы (Рис. 4).

Рис. 4

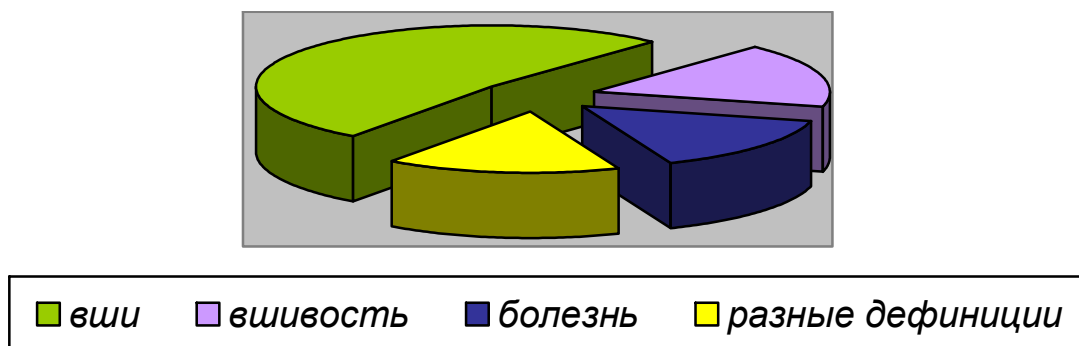

Данные эксперимента показывают, что за предъявляемым эвфемизмом стоит определенная система знаний об обозначаемом предмете или явлении, его признаках, связях. Во многих случаях трудно

определить, где ии. оперирует словом, а где энциклопедическими знаниями, выходящими за рамки его словарной трактовки. Например: ПИАР – *раскрутка (с помощью специальных технологий, раскручиваться, раскрутка шоу-звезд, информационная, «раскрутка» человека в СМИ) и реклама, то же, что реклама, только круто понты, ход; слава (хорошая, плохая), отмывать грязь грязной водой, политическая (в основном) брехня, направленная на достижение цели во что бы то ни стало, черный и кэш, деньги, слухи, сволочная процессия и т.д.*

По мнению В.П. Зинченко, знания имеют жизненный и личностный смысл (В.П. Зинченко). При этом, как отмечает С.В. Лебедева, границы «своего», «близкого», «далекого» и «чужого» чрезвычайно подвижны и взаимопроницаемы; знания, как и слова, могут быть для человека «своими» и «чужими». Наряду с текучими, индивидуальными характеристиками эти личностно-смысловые образования имеют и некоторую культурную «сердцевину», единую для членов социальной группы или общности и фиксируемую в понятии значения в отличие от личностного смысла (А.А. Леонтьев). Это проявляется в способе установления общности лексем в различных социальных группах в разные периоды времени жизни человека. Так, например, дефиниции эвфемизма ПЕДИКУЛЕЗ были очень похожи: 52% реакций – *вши; вшивость* – 17% дефиниций: *вошки!!!, прыгающие по голове воши, паразитирование вшей у человека, засилье вшей на человеческом теле*. Работники телерадиокомпаний также приводили следующие дефиниции, отражающие течение заболевания: *болезнь* – 15%; *болячка неприятная, педиатр, запущенные люди, неприятный внешний вид*; а также указание на недомогание, но не связанное непосредственно с заменяемым словом: *болезнь, от которой худеют, заболевание ногтей, у детей бывает, чесотка*. Выделяется также группа разных дефиниций, обусловленных эмоциональным восприятием индивидов явлений, событий и ситуаций реальной действительности: *Фигня какая-то, Бе...!!!; первая часть слова наталкивает на неправильные мысли, без понятия, думаю к счастью, не повезло* (см. Рис. 5).

Рис. 5

В качестве опор в процессе эвфемизации слов в индивидуальном лексиконе мы посчитали возможным выделить модель опоры на признак общности/различия основания для сравнения, опоры на знания и образ ситуации. Установленные опоры базируются на представлениях о том, что каждому слову в системе памяти (сознании и подсознании) соответствует некоторая общая информация (общее содержание), которая затем уточняется путем сравнения отдельных характеристик (признаков признака) объекта внешнего мира. Результаты эксперимента свидетельствуют о том, что в индивидуальном лексиконе эвфемизмы составляют систему, которая является объемной, образной, основывается на информационной базе индивида. Проведенное исследование показывает, что эвфемизм, как и любая вербальная структура, обеспечивает выход индивида на его образ мира – сложный, многоуровневый, полимодальный, динамичный психический феномен. Специфику функционирования эвфемизмов в индивидуальном лексиконе будет составлять их оценочный потенциал, в основе которого может лежать любая характеристика субъективного образа мира в зависимости от того, что попадает в «окно сознания» человека в ситуации «для меня, здесь и сейчас». Эвфемизмы также являются показателем определенных стереотипов, существующих в социуме и культуре на определенном временном этапе.

Таким образом, наши предположения о том, что эвфемизм в индивидуальном лексиконе функционирует так же, как и любое другое слово, являющийся *медиатором*, обеспечивающим выход индивида на его образ мира, формирующийся в многомерном и разностороннем личностном опыте, без которого никакой знак не может функционировать как достояние человека, подтвердились.

Каждая глава диссертации заканчивается выводами. Текст работы сопровождается таблицами и схемами, а также дополняется приложениями.

В **Заключении** подводятся итоги исследования, формулируются основные выводы и намечаются перспективы исследования.

Основные положения диссертации отражены в публикациях автора в рецензируемых научных журналах, включенных в перечень **ВАК**:

1. Милоенко, Е.О. Эвфемистическое варьирование в индивидуальном лексиконе [Текст] / Е.О. Милоенко // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 35 (76): Аспирантские тетради. Ч. I. (Общественные и гуманитарные науки): Научный журнал. – СПб., 2008. – С. 248-253. – 0,33 п.л.

а также в следующих публикациях автора:

2. Милоенко, Е.О. Содержания понятия «эвфемизмы» в системе языка [Текст] / Е.О. Милоенко // Язык и образование: сб. науч. тр. – Курск: Изд-во КГУ, 2006. – С. 44-51. – 0,43 п.л.

3. *Милоенко, Е.О.* Различные подходы к классификации эвфемизмов [Текст] / Е.О. Милоенко // Теория языка и межкультурная коммуникация [текст]: межвузовский сборник научных трудов/ под ред. Т.Ю. Сазоновой; Курск гос. ун-т.- Курск: КГУ, 2006. – С. 41-47. – 0,38 п.л.

4. *Милоенко, Е.О.* Эвфемизация как номинативное варьирование [Текст]/ Е.О. Милоенко // Язык: лингвистика, методология, дидактика. Материалы межрегиональной научно-практической конференции 20-22 июня, посвященной 65-летию УГАТУ. - Уфа, 2007. – С. 216-221. – 0,31 п.л.

5. *Милоенко, Е.О.* Эвфемизмы и сходные лингвистические явления [Текст] / Е.О. Милоенко // Т33 Теория языка и межкультурная коммуникация [текст]: межвузовский сборник науч. трудов/ под. ред. Т.Ю. Сазоновой; Курск. гос. ун-т. – Курск, 2007. – С. 63-70. – 0,43 п.л.

6. *Милоенко, Е.О.* Языковые способы и средства эвфемизации [Текст] / Е.О. Милоенко // «Лингвистические основы межкультурной коммуникации»: Сборник материалов международной научной конференции/ Нижний Новгород: Нижегородский государственный лингвистический университет им. Н.А. Добролюбова, 20-21 сентября 2007. – С. 205-208. – 0,19 п.л.

7. *Милоенко, Е.О.* Понятие номинативного варьирования и эвфемизации во французской научной парадигме [Текст] / Е.О. Милоенко // Межрегиональная научная конференция «Текст. Дискурс. Жанр» Сборник материалов межрегиональной научной конференции 20-21 сентября 2007г. Балашовский филиал Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского – С. 70-74. – 0,25 п.л.

8. *Милоенко, Е.О.* Функционирование эвфемизмов в индивидуальном лексиконе [Текст] / Е.О. Милоенко // Язык для специальных целей: система, функции, среда: сб. материалов II науч.-практич. конф. – Курск: Курский гос. технич. ун-т, 2008. – С. 124-127. – 0,19 п.л.

9. *Милоенко, Е.О.* Процесс эвфемизации с позиций теории языковой личности [Текст] / Е.О. Милоенко // Актуальные проблемы переводоведения и межкультурной коммуникации: сб. науч. трудов. – Курск: Изд-во КГУ, 2008. – Вып. 2. – С. 34-36. – 0,13 п.л.

Милоенко Екатерина Олеговна

**Специфика функционирования эвфемизмов
в индивидуальном лексиконе**

Автореферат

Подписано в печать 19 января 2009 г.
Формат 60?84/16. Печать офсетная. Бумага офсетная.
Тираж 100. Заказ №

Издательство Курского государственного университета
305000, г. Курск, ул. Радищева, 33

Отпечатано в лаборатории информационно-методического
обеспечения КГУ